

**ПАВЕЛ
(ПЕСАХ)
АМНУЭЛЬ**

РАССЛЕДОВАНИЯ
БЕРКОВИЧА 8 (СБОРНИК)

Расследования Бориса Берковича

Павел Амнуэль

**Расследования
Берковича 8 (сборник)**

«Остеон-Групп»

2014

Амнуэль П. Р.

Расследования Берковича 8 (сборник) / П. Р. Амнуэль —
«Остеон-Групп» , 2014 — (Расследования Бориса Берковича)

ISBN 978-5-85689-200-9

Сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. Однако П. Амнуэль немало сделал и на ниве детектива. В течение четырех лет в газете «Вести-Иерусалим» печатался цикл детективных рассказов «Расследования Бориса Берковича», число которых выросло до 200.

ISBN 978-5-85689-200-9

© Амнуэль П. Р., 2014
© «Остеон-Групп» , 2014

Содержание

Смерть двойника	6
Отсроченная смерть	12
Смерть на ринге	16
Смерть дельтапланериста	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Павел Амнуэль

Расследования Берковича 8

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка, 2014.

Смерть двойника

– Не такой уж крупный у него бизнес, – сказал инспектор Хутиэли. – Два ювелирных заводика – один в Герцлии, другой в Бейт-Шеане. Не вижу смысла в угрозах. Может, он ошибается?

– Нет, – вздохнул старший сержант Беркович. – К сожалению, ему действительно угрожают. Вот уже неделю Владимир Лейбзон каждый день получает анонимные письма, отпечатанные на лазерном принтере. Посланы из разных почтовых отделений – от Эйлата до Хадеры.

– Ты считаешь, что это не шутка?

– Если бы Лейбзон был коренным израильтянином, я, возможно, так бы и подумал, – признался Беркович. – Но он из России. Приехал два года назад и уже имеет неплохой бизнес. В России у него связей практически не осталось – во всяком случае, он так утверждает.

– Все равно не понимаю, – покачал головой Хутиэли. – Зачем письма писать, если этот Лейбзон не понимает, чего от него хотят. Повтори – что там написано.

– «Жить тебе осталось неделю, ничто тебе не поможет. Даже если ляжешь на дно, все равно достанем. Мы еще будем плясать на твоих похоронах», – перевел Беркович на иврит текст послания, отпечатанного по-русски. – Подписи нет.

– Я бы на месте Лейбзона плюнул и забыл, – решительно сказал Хутиэли.

– Я же говорю, инспектор, вы плохо знаете русских, – не согласился Беркович. – Лейбзон все воспринимает очень серьезно, потому и заявил в полицию.

– Но что мы можем сделать? – удивился Хутиэли. – Приставить охрану? Ты же сам говоришь, что у него есть охранник, чем поможет еще один?

– Я думаю, это отвлекающий маневр, – сказал Беркович. – Лейбзон полагает, что все его передвижения отслеживают те, кому он почему-то пришелся не по нраву. Он бы уехал на время из Израиля, но об его отсутствии сразу станет известно. Поэтому Лейбзон решил, во-первых, заявить в полицию – пусть автор писем считает, что начато официальное расследование. Возможно, это заставит его чуть умерить пыл. А тем временем Лейбзон намерен действительно уехать, оставив вместо себя двойника.

– Господи, еще один Саддам Хусейн выискался! – воскликнул инспектор.

– Вы бы говорили иначе, если бы видели Лейбзона, – возразил Беркович. – Кто бы ни хотел его гибели, он наверняка уверен, что скрыться Лейбзон не сможет. Слишком примечательная внешность, двойника никаким гримом не создашь.

Беркович вытащил из пластиковой папки и положил перед инспектором большую цветную фотографию. Хутиэли поднял брови и присвистнул. Владимир Лейбзон стоял у входа в здание Иерусалимского муниципалитета на площади Сафра. Рост бизнесмена не превышал метра шестидесяти, фигура напоминала бочонок, а крючковатый нос делал Лейбзона похожим на странную птицу, не способную взлететь.

– Да уж, – усмехнулся инспектор, – грим тут не поможет. Если бы Саддам Хусейн обладал такой комплекцией и таким носом, у него тоже были бы проблемы с двойниками. Не понимаю, – прервал Хутиэли сам себя, – ты сказал, что он намерен обзавестись двойником. Где он отыщет такого, как сам?

– В том-то и дело, – оживился Беркович. – Лейбзон нашел такого человека! Живет в Араде, работает на фабрике пластмассовых изделий, холост. Приехал из Москвы, как и Лейбзон. Зовут Михаил Бердник.

Беркович вытащил из папки еще одну фотографию и положил рядом с первой. Бердника сфотографировали у каменного забора, на котором висел плакат «Народ с Голанами». Сходство с Лейбзоном было поразительным: та же нелепая фигура, такой же орлиный нос, волосы только были другими – светлыми в отличие от почти черных волос бизнесмена.

– Игра природы, – хмыкнул Хутиэли. – И что же? Этот господин согласился сыграть роль Лейбзона?

– Конечно, – кивнул Беркович. – Ему хорошо заплатили. Лейбзон не назвал мне точной суммы, но намекнул, что речь идет о четырех нулях. Таких денег Берднику не заработать за годы. А тут – всего за неделю, пока Лейбзон будет отсиживаться в Австрии.

– А потом? – полюбопытствовал Хутиэли. – Что будет потом, когда Лейбзон вернется?

– Он надеется, что за неделю полиция вычислит и задержит анонима, – сказал Беркович.

– Вот как... – протянул инспектор. – Ты сам сказал только что, что это невозможно.

– Если пользоваться только письмами, то конечно, – сказал Беркович. – Но Лейбзон полагает, что автор писем может осуществить угрозу. И тогда полиция схватит преступника на месте.

Хутиэли с изумлением воззрился на старшего сержанта.

– О чем ты, Борис? Лейбзон подставил человека, будучи уверен, что того могут убить?

– Я не утверждаю, что этот господин обладает выдающимися моральными качествами. Скорее наоборот. Но в его действиях нет ничего противозаконного. Он нанял человека, тот согласился. А убьют его или нет... Вы только что сами сказали, что это чья-то шутка. Пройдет неделя, ничего не случится, разве что придут новые угрожающие письма, а потом Лейбзон вернется... Кстати, Бердник получил деньги вперед.

– Значит, речь все-таки идет об охране со стороны полиции, – резюмировал инспектор. – Нужно постоянное наблюдение, иначе, если что-то действительно произойдет...

– Вот именно, – кивнул Беркович. – Собственно, я все это рассказываю для того, чтобы попросить...

– Сам, что ли, хочешь стать телохранителем? – удивился Хутиэли.

Беркович кивнул.

– Видите ли, инспектор, эта история кажется мне излишне театрализованной. Лейбзон действительно боится. У него есть какой-то план противостояния анониму, и я не уверен, что этот план – законный. Вот почему я бы хотел...

– Понятно, – буркнул Хутиэли. – У тебя, кажется, есть неиспользованные отгулы? По моему, ровно семь дней.

– Да, но... Я хотел съездить с Наташей в Эйлат.

– Сейчас твоей жене вредно трястись в автобусах, – усмехнулся инспектор. – А официально дать тебе поручение охранять этого клоуна я не могу. Не такая важная шишка. Так что выбирай.

– Хорошо, – вздохнул Беркович. – Беру отгулы.

Собственно, ни на что большее он и не рассчитывал. А Наташе действительно не стоило сейчас, на восьмом месяце беременности, ездить в такую даль – Эйлат может и подождать.

Дома он сказал, что получил задание охранять русского бизнесмена, и потому несколько дней будет как бы на казарменном положении. Возможно, вернется ночевать, а возможно – нет.

Бердник переехал на виллу своего нанимателя глубокой ночью, а через два часа Лейбзон покинул Израиль рейсом компании «Аркиа». Беркович приехал в Рамат-Авив в девять утра, когда самолет, на котором летел бизнесмен, подлетал к Вене. Вилла располагалась в новом районе за университетом, и на повороте путь старшему сержанту преградил полицейский патруль.

– В чем дело? – спросил Беркович, предъявляя удостоверение.

– Убийство, – сказал сержант, проверявший документы.

– Убийство? – насторожился Беркович. – Где? Кого убили?

– Вы не в курсе? – удивился патрульный. – Я думал, вы по этому делу и приехали, во всяком случае, звонили из Управления и назвали вашу фамилию.

– Убитый – Владимир Лейбзон?

– Точно так, – сказал сержант и отошел к машине.

У виллы стояли еще две полицейских машины, прибывшие, похоже, совсем недавно – эксперт Рон Хан вытаскивал из багажника свой чемоданчик, а фотограф освобождал из футляра камеру. Лейбзон (тьфу ты, конечно, это был не Лейбзон, а бедняга Бердник) лежал на земле перед входной дверью. Одна пуля попала ему в голову, другая в спину. Телохранитель Лейбзона стоял над телом хозяина и выглядел растерянным.

– Когда это произошло? – резко спросил Беркович.

– В восемь двадцать. Мы с хозяином в это время всегда выезжали на фабрику. Все как обычно. Метрах в десяти дальше по улице стоял мотоцикл, и водитель сразу открыл огонь из пистолета. Видимость была хорошая...

– Вы не ответили?

– Я не ожидал нападения именно в этот момент, – напряженно сказал охранник.

– Понятно, – вздохнул Беркович. – Номер мотоцикла...

– Заляпан чем-то, – сказал охранник. – Мотоцикл «Хонда». Водитель в черной кожаной куртке, шлем...

– В общем, стандартный джентльменский набор – ищи теперь по всему Израилю, – буркнул Беркович.

– Похоже, что стреляли из «беретты», – сообщил эксперт Хан. – Точно скажу после вскрытия.

– Из пистолета, – согласился охранник. – Какой был пистолет или, может, револьвер – не разглядел, далеко...

Вернувшись в управление после бесплодного допроса охранника и соседей, не видевших самого убийства, а только слышавших выстрелы, Беркович позвонил в Вену. Лейбзон только что прилетел и разбирает чемодан в номере гостинцы «Плаза». Услышав о смерти Бердника, бизнесмен, похоже, потерял дар речи.

– Черт, – сказал он наконец после долгой паузы. – Так это правда?... Как я вовремя смылся!

– Очень вовремя, – сухо сказал Беркович. – Сколько вы заплатили Бердину за его смерть?

– Послушайте, старший сержант! – возмутился Лейбзон. – Разве я мог предположить...

– Могли, если спешно покинули страну. Ведется расследование, и я хочу знать, кого вы подозреваете. Только не нужно повторять, что у вас нет никаких подозрений.

– Есть, – сказал Лейбзон, помолчав. – Только к бизнесу это не относится.

– Допустим. В чем тогда дело?

– Политика, – неохотно сказал Лейбзон. – В девяносто шестом я сдуру согласился участвовать в одном деле... Предвыборные технологии.

– Допустим, – повторил Беркович. – Пожалуйста, в двух словах. Подробнее поговорим, когда вы вернетесь. Сейчас я хочу знать конкретные имена – в каком направлении нам вести расследование? Хочу напомнить – убит человек, и этим человеком могли быть вы.

– Да... – Лейбзон шумно вздохнул. – До сих пор не могу... В Москве есть компьютерная фирма «Геликон», в девяносто шестом я там работал.

– Вы? – удивился Беркович.

– Представьте. Ювелирным бизнесом я занялся в Израиле, обнаружил для себя эту нишу. А в России был неплохим программистом. Попробуйте такую фамилию – Щепетнев. Тогда он был у нас начальником отдела охраны. А я слинял и унес кое-какие дискеты. Очень, мне казалось, важные кое для кого. Я не собирался никого шантажировать. То есть, не собирался в тот момент. Взял на всякий случай. Только год спустя понял, насколько эта информация опасна – и прежде всего для меня. Тогда...

– Да-да, я слушаю, – сказал Беркович, потому что Лейбзон замолчал и только шумно дышал в трубку. – Вы уехали в Израиль, я правильно понял?

– В Израиль... Да, уехал, а те дискеты... Я их отформатировал. Но ни Щепетнева, ни его людей убедить в этом было невозможно. Я думал, что после отъезда меня оставят в покое – ну кому я там мог помешать? А оказалось... Я это сразу понял, когда начал получать письма. Щепетнев обожал такие фокусы... Тогда и нанял Бердника. Я не думал, что все так обернется, клянусь вам!

– Кстати, – сказал Беркович, – как вы Бердника нашли? Достаточно сложно отыскать человека, способного вас заменить – очень примечательная внешность. А у вас это заняло день или два.

– Нет, – вздохнул Лейбзон. – Даже часа это не заняло. Мишу я знал еще там... Познакомились на одной тусовке и оба поразились нашему сходству. Миша даже как-то предложил поучаствовать в телевизионной программе, там двойников показывали. Я отказался – это было незадолго до моего отъезда, только светиться мне не хватало! Миша уехал через год после меня. В Израиле мы практически не общались, но я знал его адрес.

– Понятно, – протянул Беркович. Все-таки он плохо понимал этого человека. Добро бы Лейбзон не знал Бердника лично, просто нанял человека на смертельно опасную роль. Но – знакомого! Можно сказать, приятеля... Беркович не мог поверить, будто Лейбзон действительно считал, что угрозы несерьезны. Не стал бы он так спешно удирать в Европу.

– Насколько я понимаю, – сухо сказал Беркович, – вы бы предпочли, чтобы Бердника и похоронили под вашим именем. Ведь иначе...

– Было бы хорошо, – с готовностью отозвался Лейбзон, и старшему сержанту захотелось отвесить ему хорошую оплеуху. – Но ведь полиция не разрешит, верно?

– И не только полиция.

– Понимаю. Видимо, мне лучше пока не возвращаться.

Пообещав связываться с Лейбзоном в случае необходимости, Беркович положил трубку. Полученная информация, конечно, проливала определенный свет на мотив преступления, но вовсе не облегчала поиск убийцы. То, что убийство заказное, было ясно с самого начала. Щепетнев этот наверняка в Израиле не появлялся, прислал кого-нибудь, а может, нанял на месте...

Весь день до вечера старший сержант занимался сбором информации – звонил в Москву, потом обсуждал возможные действия с инспектором Хутиэли и опять звонил в Россию, теперь уже не только в столицу, но еще и в Санкт-Петербург, где Щепетнев, как выяснилось, жил с девяносто восьмого. Если верить питерским коллегам, Щепетнев занимался посреднической деятельностью – закупал и перепродавал за рубеж деловую древесину, неплохо на этом зарабатывал и давно «забил на политику», как выразился майор Сухой, который, проявив оперативность, за несколько часов накопил на Щепетнева материал, достаточный для того, чтобы сделать определенные выводы.

Получалась ерунда. Получалось, что не нужен был Щепетневу этот Лейбзон. Оба перестали заниматься политикой. Если Лейбзон от греха подальше уехал в Израиль, то и Щепетнев покинул Москву, оборвав связи и занявшись более спокойным и, главное, наверняка прибыльным делом.

Беркович вернулся домой поздно вечером, голова гудела, мысли, которых и без того было немного, разбрелись по темным углам подсознания, осталась одна: спать, спать... Но пришлось еще рассказывать что-то Наташе, и Беркович не помнил – что именно. То ли он действительно излагал, уткнувшись лбом в теплый бок жены, всю свою дневную эпопею, то ли – кажется, это так и было – пересказывал сюжет фантастического романа, почему-то пришедший на память. Там тоже одного героя убили вместо другого, а потом тот, кого убили, отомстил своему двойнику, такое возможно было только в фантастике, но Беркович, засыпая, почему-то был уверен, что и в жизни может произойти нечто подобное, иначе с чего бы все это вдруг вспомнилось?

Утром он, конечно, уже не помнил ничего, да и не думал, что нужно что-то вспомнить – сначала поехал на виллу Лейбзона, потом в морг Абу-Кабира, после этого позвонил в Вену, хотел убедиться, что Лейбзон никуда не смылся. В полдень на электронный адрес Берковича поступило несколько файлов из России – разрешенные для оперативной разработки материалы по Щепетневу. Ничего толкового. Если этот человек и сохранил зуб на Лейбзона, то ничем свою ненависть не проявлял.

Поиск мотоциклиста (этим занималась группа сержанта Горелика) тоже не привел ни к какому результату. Впрочем, этого и следовало ожидать. В два часа дня, кое-как перекусив питой с салатом, Беркович сидел перед экраном компьютера и пытался составить план дальнейших мероприятий по делу. Со Щепетневым явно не получалось. Значит, был кто-то еще, желавший убрать Лейбзона. И сам Лейбзон, конечно, должен был это знать. Скрыл? Почему? А если все-таки говорил правду?

Если говорил правду, значит, не было никого, кто бы действительно хотел его смерти и, главное, мог организовать убийство. Но ведь убийство произошло! И угрожающие письма были на самом деле. Противоречие.

Позвонил эксперт Хан и сказал, что тело Бердника можно выдать родственникам для захоронения.

– Нет у него родственников в Израиле, – сообщил Беркович.

– Но кто-то должен быть, – сказал Хан. – Друзья, которые могли бы о нем скорбеть, враги, которых его смерть обрадовала бы... Кто его хоронить будет, в конце концов?

– Враги, – пробормотал Беркович. – Враги с удовольствием...

Он положил трубку и сжал ладонями виски. Вчера ночью он рассказывал Наташе историю. Какой-то сюжет. Там тоже были враги, которые с удовольствием хоронили одного из двойников, когда друзья... Да, друзья сожалели о другом человеке.

Нелепая идея. Но ведь никто, похоже, не хотел смерти Лейбзона. И почему, назначив срок – неделю, убили его... то есть, не его, а Бердника... убили все-таки на девятый день, причем именно тогда, когда двойник уже занял место оригинала? Зачем ждали? Чтобы попугать перед смертью?

Беркович долго сидел, глядя на экран компьютера, и складывал по-новому элементы мозаики. Придя к определенному решению, старший сержант связался с полицейским участком Арада, где жил Бердник, и долго говорил с неким майором Нахмани. Попросил оформить сведения официально и положил трубку. Информация, которую он ждал, поступила по электронной почте в восемь вечера, и только тогда Беркович вспомнил, что за весь день ни разу не позвонил Наташе. Набрал номер, он сказал:

– Наташенька, ты помнишь, я тебе рассказывал вчера историю с двойниками? Так там все правильно.

– Не сомневаюсь, – отозвалась Наташа. – Ты сегодня домой вернешься?

– Обязательно. И расскажу, чем дело закончилось.

– Не люблю фантастику, ты же знаешь, – сказала Наташа. – Лучше скажи, разогреть ужин или подождать?

– Разогревай! И фантастика, между прочим, ни при чем.

– Хитрая комбинация, – увлеченно говорил Беркович полчаса спустя, сидя на кухне и глядя, как Наташа вынимает из духовки курицу-гриль. – Представь: два похожих человека – Бердник и Лейбзон. Убить хотят Бердника, но так, чтобы никто не подумал, что именно его нужно отправить на тот свет. Что они делают? Забрасывают угрожающими письмами Лейбзона, зная, что он с Бердинком знаком и непременно подумает о нем как о возможной подставке. Лейбзон попадает на крючок – ему действительно есть кого опасаться, так он, по крайней мере считает. Договаривается с Бердником за довольно крупную сумму и улетает в Вену, надеясь, что все обойдется. А Бердника тут же убивают, якобы спутав его с Лейбзоном.

– Ничего не поняла, – заявила Наташа. – Почему «якобы»?

– Да потому, что убить хотели именно Бердника, его и убили, а полицию заставили разрабатывать версию, будто Бердника убили по ошибке, а на самом деле хотели убить Лейбзона! Мы и искали тех, кто мог бы покушаться на Лейбзона. И искали бы до посинения, если бы не мое подсознание, вспомнившее этот американский роман... Когда я понял ошибку и начал искать врагов не у Лейбзона, а у Бердника, тут-то все и стало ясно.

– Тебе – может быть, – сказала Наташа, – но не мне.

– Неважно, – махнул рукой Беркович и отрезал себе куриную ножку. – Бердник уже здесь, в Израиле, связался с криминальными элементами. Торговля наркотиками. Заработать, понимаешь, хотел, не прилагая усилий. Потом испугался, решил завязать. Но это не та компания, от которой легко отделаться. Да и знал уже Бердник слишком много. Как, впрочем, и они о нем – в частности, о существовании похожего на Бердника человека. Внешность у обоих действительно примечательная... Вот они и придумали, как Бердника убрать, но чтобы никто не понял, что убрали именно его.

– Должно быть, я сегодня тупая, – вздохнула Наташа. – Того убрали или не того? Ты извини, Боря, я себя что-то плохо чувствую, пойду лягу. Только не рассказывай мне на ночь фантастических рассказов, хорошо? Вчера мне плохой сон приснился – будто у нас родилась двойня, и оба инопланетяне, только один с Марса, а другой с Юпитера.

– Глупости, – возразил Беркович. – Какая двойня? У нас будет сын, и тебе это известно лучше, чем мне!

Отсроченная смерть

С утра Наташа чувствовала себя плохо, и по дороге на работу Беркович отвез жену в поликлинику, а потом каждые полчаса звонил жене на сотовый телефон, чтобы узнать, как дела. Телефон был отключен, старший сержант нервничал, и только около полудня Наташа наконец отозвалась:

– Да все в порядке, – сказала она усталым голосом. – Я уже дома, не беспокойся. А у тебя что нового?

– Ничего особенного, – бодро сказал Беркович. – Все как обычно.

Он, конечно, лукавил. С утра все шло не так, как всегда. Начать с того, что комиссар Бендецкий отменил ежедневное совещание, потому что с виллы миллионера Гиндеса поступило сообщение о внезапной смерти старого Абрама, главы рода. Казалось бы, что странного? Человеку недавно исполнилось семьдесят семь, болезней у него был целый букет, но врач «скорой помощи» заподозрил, а полицейский эксперт подтвердил, что старику помогли отправиться в мир иной. На тумбочке, стоявшей возле кровати, была обнаружена рюмка с лекарством против болезни печени, а рядом лежала коробочка с порошком – это было снотворное, которое Абрам обычно принимал на ночь. Осмотр показал: в рюмке содержался сильнодействующий растительный яд, не имевший вкуса, но обладавший специфическим запахом. Старик запаха не чувствовал, поскольку с обонянием у него уже давно были проблемы, и выпил достаточно яда, чтобы отправиться на тот свет – во сне, естественно, поскольку он принял и снотворное.

Когда Беркович приехал на виллу, патрульный Соломон уже успел выяснить, что убийцей мог быть только кто-нибудь из ближайших родственников Арона Гиндеса: либо сын Алекс, либо Ринат, жена Алекса, либо, наконец, сестра Алекса Наоми, разведенная и бездетная женщина, долгое время жившая с отцом. В ту ночь на вилле были – кроме самого Абрама, естественно, – только эти три человека, и подозревать кого-то из них в убийстве старика было, на взгляд Берковича, колоссальной глупостью.

Сейчас все они молча сидели в салоне второго этажа, выглядели изможденными и подавленными. Беркович представился и пробежал взглядом текст протокола, составленного сержантом Соломоном. Алекс Гиндес, 52 года, вице-директор рекламной компании «Руфус», постоянно проживает в Герцлии, отца посещал ежедневно, советовался по проблемам бизнеса, нынешнюю ночь провел на вилле. Ринат Гиндес, жена Алекса, 43 года, не работает. Ночевала с мужем в спальне на первом этаже. Наоми Гиндес, 46 лет, незамужняя, проживала с отцом и выполняла секретарские функции. Именно она приносила отцу на ночь лекарства, так же поступила и вчера. Утверждает, что, как обычно, накапала в рюмку лекарство от печени и залила водой из чайника. Никакого запаха не было.

Из задумчивости Берковича вывел ввалившийся в салон адвокат семьи Гиндес Гирш Арбель. Это был мужчина пятидесяти лет, больше похожий на пивной бочонок.

– Старший сержант! – воскликнул Арбель, опуская на стол тяжелый кейс. – Рад вас видеть, вы мне очень симпатичны. Но неужели вы, молодой человек, подозреваете бедную Наоми, поскольку она обычно приносила Абраму лекарство?

– Не обязательно, – вздохнул Беркович. – Яд могли подсыпать и после того, как Наоми Гиндес вышла из комнаты отца. Мы ведь не знаем, заходил ли к нему кто-нибудь после этого.

– Я заходил, – подал голос Алекс. – Пожелал отцу спокойной ночи и вышел.

– Я тоже заходила, – тихо произнесла Ринат. – Не знаю, была ли я у свекра до мужа или после... Мы минут пять поговорили о внуках, и я ушла. Это было примерно в половине одиннадцатого.

– Значит, до меня, – быстро сказал Алекс. – Я заходил к отцу в одиннадцать – как раз пробили часы на стене.

– Да какая разница кто когда заходил, – с досадой сказал адвокат. – Все члены семьи были заинтересованы в том, чтобы Абрам прожил до ста двадцати!

– Я как раз хотел спросить, – Беркович повернулся к адвокату. – У покойного было завещание?

– Конечно! Завещание и две доверенности на имя Алекса и Наоми. В завещании сказано, что после смерти Абрама все его состояние должны быть потрачено на создание фондов для развития израильской культуры. С другой стороны, в обеих доверенностях Абрам передавал сыну и дочери право пользоваться до его смерти всеми его счетами при условии правильного ведения дел всех предприятий.

– Но позвольте, – удивился Беркович, – получается, что и для Алекса, и для Наоми смерть отца – просто катастрофа!

– Именно так, – сухо сказал Арбель. – Надеюсь, вы понимаете теперь, что подозревать в убийстве можно кого угодно, только не их?

– Я буду вести допросы в вашем присутствии, господин Арбель, – сказал Беркович. – И прошу вас, не советуйте клиентам молчать – это ведь не в их интересах.

– Разумеется, – кивнул адвокат. – В их интересах, как и в ваших, быстрее найти убийцу. Возможно, он влез в окно?

– Прямо в комнату старика? – буркнул Беркович. – Налил Абраму яд, тот выпил, а пришелец удалился, как и пришел...

– М-да, – крикнул Арбель. – Чепуха получается.

Допросы продолжались до полудня, а потом Берковичу пришлось вернуться в управление, взяв с подозреваемых слово, что они не будут покидать виллу, пока не получат разрешения. У входа осталась дежурить патрульная машина с сержантом Соломоном.

Адвокат последовал за Берковичем – он хотел обсудить проблему с инспектором Хутиэли.

– Не заглянете ли ко мне на минутку? – спросил Беркович Арбеля, открыв дверь своего кабинета. Когда адвокат с шумом уселся на стул, заскрипевший под его тяжестью, старший сержант сказал:

– Ни Алекс, ни Наоми, ни тем более Ринат не заинтересованы в смерти Абрама. Но кроме них на вилле никого не было. Вы давно знакомы с этим семейством. Я, конечно, понимаю, что задаю вопрос, на который вы, как адвокат, не очень-то захотите ответить, но все же... Каково финансовое положение детей Абрама Гиндеса? Насколько Алекс и Наоми зависели от отцовских денег?

– Они пользовались счетами отца, и им было достаточно. Алекс и Наоми были заинтересованы в том, чтобы отец прожил как можно дольше, это же очевидно. Если бы все это произошло, скажем, две недели назад, тогда у вас были бы основания для сомнений, но не сейчас!

– А что случилось две недели назад? – насторожился Беркович.

– Абрам изменил завещание, – сообщил адвокат. – Предыдущее он написал одиннадцать лет назад, когда приобрел контрольный пакет акций «Дастин корпорейтед». Все переходило к Алексу, который должен был выплачивать сестре ежегодно полмиллиона шекелей из доходов концерна.

– Вы хотите сказать, что завещание, по которому дети в случае смерти Абрама не получают ничего, было написано две недели назад?

– Именно так. Вот я и говорю – если в прошлом месяце ваши подозрения против Алекса были бы вполне обоснованы, но сейчас это чепуха.

– Любопытно, – пробормотал Беркович.

Ему сейчас хотелось одного: чтобы адвокат поскорее ушел. Выпроводив Арбеля, Беркович спустился в лабораторию судебно-медицинской экспертизы.

– Отчет для тебя пишу, – сообщил эксперт Хан, увидев старшего сержанта. – Тридимидин, яд из группы растительных, очень широкого применения. В гомеопатических дозах используется для лечения болезней желудочно-кишечного тракта.

– Передозировка могла быть случайной? – с надеждой спросил Беркович.

– Исключено.

– Жаль, – вздохнул Беркович. – Понимаешь ли, не было у них ни малейшего мотива убивать старика! Наоборот – он был им нужен живым. Пусть больным и немощным – это даже лучше, – но живым!.. Послушай, – перебил Беркович сам себя, – а что если они хотели, чтобы старик не умер, а оказался, скажем, парализован...

– Исключено, – повторил эксперт. – Вот если бы он был при смерти, и его нужно было его спасти, тогда да, имело смысл.

– Не понял, – нахмурился Беркович. – Повтори.

– Тридимидин в данной высокой концентрации может быть использован как яд или как противоядие. Но противоядием он может быть только в том случае, если жертву перед этим долго и упорно травили другим ядом того же растительного типа. У него слишком длинное название, ты все равно не запомнишь.

– Но ты не проводил теста на этот яд с длинным названием, верно? – возбужденно спросил Беркович.

– Нет, – пожал плечами Хан. – Невозможно проводить все мыслимые и немыслимые тесты. Я исследовал содержимое рюмки и обнаружил яд, от которого Абрам Гиндес мог умереть. То же вещество я нашел в крови умершего. Вот если бы он остался жив и меня спросили бы, как это ему удалось несмотря на то, что его долго и медленно травили, тогда да, я бы понял, что должен искать...

– Пожалуйста, Рон! – воскликнул Беркович. – Сделай эти тесты! Очень важно.

Результата он дождался в кабинете эксперта, нервно прохаживаясь из угла в угол. Прошло около трех часов, прежде чем Хан вернулся из лаборатории.

– Похоже, что ты прав, – задумчиво сказал он. – В организме есть следы обоих ядов. Тридимидин, что был в рюмке, естественно, в гораздо большей концентрации. Похоже, что Абрам принимал яд регулярно и спасти его могла лишь ударная доза тридимидина, которую ему и дали вчера вечером. Но... нет, передозировки в этом случае не было, скорее наоборот – дали слишком мало. Черт меня возьми, – воскликнул Хан, – если я вижу в этом смысл! Старика отравить хотели или спасти?

– Вот именно, что спасти, – хмуро сказал Беркович. – А перед этим хотели отравить.

Он задал эксперту еще несколько вопросов и получил исчерпывающие ответы. Оставив Хана в состоянии некоторого недоумения, Беркович поднялся к себе. К счастью, инспектор Хутиэли еще не ушел домой, хотя день уже клонился к вечеру, и Беркович сообщил о результатах экспертизы.

– Не знаю, кто приложил к этому руку, – сказал старший сержант. – Скорее все-таки Наоми, ведь она жила в доме с отцом и каждый вечер давала ему лекарство, в котором, видимо, и был яд. Не такой сильный, чтобы вызвать немедленную смерть, но достаточный, чтобы привести к летальному исходу в течение нескольких недель. Симптомы, по словам Рона, не могли вызвать подозрение у лечащего врача – в возрасте Абрама все выглядело бы естественно. Причина, по которой старика хотели отравить, понятна – все деньги оставались детям. Но он неожиданно изменил завещание, и все могло пойти прахом! Абрама нужно было спасти, и Наоми с Алексом – сами или после консультаций – нашли препарат, который мог нейтрализовать действие яда. Но и сам этот препарат – тридимидин – тоже смертельно опасен, если используется сам по себе...

– Они ведь не специалисты-фармакологи, – закончил рассказ Беркович. – Хотели спасти старика, но только приблизили конец.

- М-да, – протянул Хутиэли. – Когда будет готово полное экспертное заключение?
- Рон обещал управиться к ночи. Ему предстоит двойная работа – следы первого яда оказались практически нейтрализованы тридимидином. . .
- Надеюсь, ты не собираешься ждать в управлении, пока будет результат? – спросил инспектор. – Тебя Наташа уже несколько раз спрашивала.
- Поеду домой, – решил Беркович. – До утра Гиндесы не сбегут.
- Не сбегут, – сказал Хутиэли. – Сержант Соломон отвечает за них головой.

Смерть на ринге

Моше Левингер положил Леонида Зусмана в третьем раунде. Положил основательно: рефери досчитал до десяти, сказал «аут!», а Зусман не сделал даже попытки подняться. На ринг выбежал Ленин тренер Серж Безыменский, зрители уже приветствовали победителя, а Левингер смотрел на поверженного противника и думал вовсе не о том, что стал наконец чемпионом Гуш-Дана в полутяжелом весе. Что-то было в Лениной позе... «Господи! – подумал Левингер. – Неужели я ему что-то сломал?»

Безыменский опустился перед боксером на колени, перевернул Зусмана на спину и только после этого увидел расплывшееся на помосте алое пятно. Кровь толчками вытекала из раны в левой стороне груди.

Свист и выкрики болельщиков мгновенно смолкли. Зусмана перенесли с ринга в раздевалку, и несколько минут ушло у спортивного врача на то, чтобы попытаться остановить кровь. Когда в раздевалку вбежал сержант Соломон, Зусман уже был мертв. Возможно, его удалось бы спасти, не будь все – тренеры, рефери и спортивные медики – в состоянии шока.

– Отойдите все, – приказал судмедэксперт Рон Хан, приехавший с вызванной полицейской бригадой. Внимательно осмотрев тело, он сказал:

– Огнестрельное ранение в область левой части грудины. Скорее всего, пуля вошла в сердце.

Он поднял взгляд на присутствовавших и задал естественный вопрос:

– Кто стрелял, черт побери?

Старшего сержанта Берковича вызвали с совещания у майора Златкина. Начальство проводило разбор завершеного дела по обвинению Наоми Гиндес в убийстве ее отца Абрама. Когда Беркович появился в спортзале «Битон», зрители толпились перед входом. В раздевалке царил мрачное молчание. Беркович склонился над убитым и выслушал доклад эксперта.

– Оружие примерно калибра девять миллиметров, – сказал Хан. – Смерть последовала минут через пять после выстрела. Если бы не паника... Нужно было оставить его на ринге и вызвать скорую. Возможно, что-нибудь удалось бы сделать, хотя и маловероятно... И еще. Стреляли из верхних рядов. Пуля вошла под довольно крутым углом. Скорее всего, убийца стоял позади последнего ряда и, выстрелив, убежал через одну из дверей, которые ведут к билетным кассам.

– Кассиров опросили? – повернулся Беркович к подошедшему сержанту Соломону.

– Сейчас опрашивают, – сказал Соломон. – Пока никаких результатов.

– Кто-нибудь слышал выстрел?

– Никто не признается. Но тут был такой шум...

– Звук выстрела легко отличить от криков толпы.

– Конечно, – согласился Соломон, – но тут еще взрывали хлопушки, и петардами, похоже, кто-то баловался...

– В помещении? – удивился Беркович.

Соломон не ответил. Старший сержант выслушал сбивчивый рассказ Левингера. Картина складывалась достаточно очевидная, но для розыскных работ практически безнадежная. В третьем раунде оба боксера устали и вели ближний бой, кружась друг вокруг друга. Зусман провел серию ударов, от которой Левингер с трудом защитился, а в следующий момент уже Левингер нанес Зусману удар левой и отскочил в сторону, чтобы нейтрализовать ответную атаку. Но Зусман упал, как подкошенный – головой вперед.

– Значит, в момент выстрела Зусман был открыт? – спросил Беркович. – Я хочу сказать, что убийца мог выстрелить, не опасаясь, что ненароком заденет вас или судью?

– Он мог попасть в кого-то из зрителей! – воскликнул Левингер, только сейчас, похоже, осознавший, что могло произойти, если бы убийца промахнулся.

– Нет, – покачал головой Беркович, – в зрителей он попасть не мог, пуля вошла бы в покрытие ринга. Но все равно, стрелок он, конечно, отменный... Скажите, вы хорошо знали своего соперника? Были у него враги? Может, кто-нибудь ему угрожал?

– Мы знакомы семь лет, – медленно заговорил Левингер. – Познакомились вскоре после репатриации. Он приехал в девяносто первом, я – в девяносто третьем. Вместе тренировались, бывали друг у друга... Сколько боев провели, я уж и не помню. А враги... Нет, старший сержант, насколько я знаю, никто Леониду не угрожал. Он работал охранником, жил один, жена его бросила через несколько месяцев после приезда в Израиль.

– Где она живет сейчас?

– Уехала с сыном в Америку. Леня им звонил время от времени. Женщины у него потом были, но не постоянные подруги... Приятелей много, он... был... общительным. С женщинами расставался легко, они с ним – тоже. Никаких шекспировских страстей. Ума не приложу, кто бы хотел его смерти! Пойти на такой риск...

– На самом деле риск был далеко не так велик, как кажется, – заметил Беркович. – Крики, взрывы хлопушек и петард, все смотрят на ринг, момент самый критический...

– Никто не видел убежавшего человека?

– Ему и убегать не нужно было. Спрятал оружие, смешался с толпой... Скорее всего, он и сейчас там, снаружи – смотрит и слушает, как развиваются события.

– Ужасно! – воскликнул Левингер. – Нужно всех задержать, проверить, из какого оружия недавно стреляли...

– Три тысячи человек? И вы думаете, убийца будет дожидаться? Нет, господин Левингер, нужно выяснить, кто хотел убить Зусмана.

– Никто, – сказал Левингер. – Леня был...

Боксер замолчал, какая-то мысль пришла ему в голову и поразила своей очевидностью. Так, во всяком случае, показалось Берковичу – Левингер нахмурился и даже закусил губу.

– Вы что-то вспомнили? – мягко спросил старший сержант. – Пожалуйста, не нужно самому делать выводы. Скажите мне.

– Что? – Левингер очнулся. – Я подумал, что, если бы пуля попала Лене в руку... Он мог остаться жив.

«Нет, – подумал Беркович, – не это пришло тебе в голову. Тебе вдруг представилось, что на пути пули мог оказаться и ты».

– Если вы вспомните что-нибудь, – сказал он вслух, – звоните мне по любому из этих телефонов – на работу или домой, или по сотовому...

Левингер взял листок, протянутый старшим сержантом, и вышел, продолжая в задумчивости морщить лоб.

Беркович вызвал рефери, а затем тренеров обоих боксеров. Рассказы их практически не отличались друг от друга и никак не помогли понять, откуда был произведен выстрел. Беркович задал всем трем тот же вопрос: были ли у Зусмана враги, не угрожал ли ему кто-нибудь в последнее время?

– Нет, – решительно сказал тренер Серж Безыменский, естественно, знавший Зусмана лучше других. – Дела у него шли прекрасно, тренировки – тоже. Враги были только на ринге, да и враги ли? Соперники – конечно. А вне ринга – друзья, вот как Моше, к примеру.

– Не знаю, – пожал плечами рефери Ваксман, отвечая на попрос Берковича. – Я обоих знал, конечно, но так, шапочно. Встречались в зале...

– Враги? – переспросил Ноах Бирман, тренер Левингера. – Понятия не имею. Если бы вы спросили о Моше...

– А что Моше? – насторожился Беркович.

– По-моему, он ввязался в историю, – нехотя сказал Бирман. – У него дочь шестнадцати лет. Начала принимать наркотики. Моше выследил кого-то из тех, кто занимается торговлей, собирался заявить в полицию...

– Почему не заявил?

– Ну... Я не в курсе, – протянул Бирман, но встретив тяжелый взгляд старшего сержанта, поспешно продолжил: – Они ему угрожали, так мне кажется. Он в последнее время был сам не свой, сегодняшний бой провел не лучшим образом... Объективно Моше сильнее Леонида, но мог бы и проиграть, если бы не...

Бирман замолчал, но Беркович его уже не слушал. Он вспомнил странное выражение лица Левингера и понял, что собирался делать боксер. Отпустив тренера, Беркович бросился искать сержанта Соломона и нашел его среди возбужденных болельщиков. Сержант, похоже, имел уже гораздо больше информации, чем ему бы хотелось. Увидев Берковича, Соломон решительно выбрался из толпы и сказал огорченно:

– Толком никто ничего не знает, а фантазий... Один видел, как высокий мужчина убежал через южный выход, другой – как коротышка прятался в женском туалете, третий...

– Бог с ними, – прервал Соломона Беркович. – Нужно найти Левингера – возможно, он отправился домой, возможно, околачивается поблизости, но скорее всего, отправился по одному ему известному адресу. Узнай номер его сотового телефона и свяжись с ним. Если понадобится – перехвати. Но лучше всего – проследи...

Беркович коротко сообщил о своих подозрениях, и Соломон бросился к машине. Самым большим желанием старшего сержанта было поехать с ним, но он понимал, что толку от него будет немного, и потому, вернувшись в управление, стал дожидаться доклада Соломона.

Прошел час, сообщений не поступало, и Беркович сам связался с сержантом. Вместо Соломона ответил водитель патрульной машины.

– Мы в районе Шхунат а-Тиква, – сообщил он. – Соломон и Варди пошли за боксером, а я жду уже минут двадцать. Погодите, старший сержант! Они идут, я вижу, и боксер с ними.

– Борис, это ты? – послышался в трубке голос Соломона. – Ты был прав, мы сейчас приедем.

– Одни? – спросил Беркович.

– Не беспокойся, все нормально, я вызвал патрульную машину из местного отделения, там опытные ребята, они за домом проследят, никто никуда не денется.

Минут через пятнадцать Моше Левингер сидел перед Берковичем и мрачно смотрел в пол.

– О том, что вы попали в историю, мне известно, – сказал старший сержант. – Вы решили, что убить хотели вас, я правильно понял? Промахнулись и попали в Зусмана...

– Ничего он не промахнулся, – пробормотал Левингер. – Шай был одним из лучших стрелков в армии. Он бы попал мне в грудь, мне, а не Лене, понимаете! Я ведь устал, двигался медленно... Он и выстрелил. А я именно в этот момент... В общем, все повернулось на сто восемьдесят градусов, Леня открылся...

– Да-да, – нетерпеливо сказал Беркович. – Это я понял. Но зачем вы сразу не сказали? Почему решили сами свести счеты? А если бы он вас все-таки убил?

Левингер пожал плечами.

– Идите, – вздохнул Беркович. – Вас, конечно, вызовут свидетелем... Если бы сержант Соломон не проследил вас до самой квартиры, все могло кончиться совсем плохо.

– В той квартире живет Бени Бардани, – сказал старший сержант инспектору Хутиэли, докладывая полчаса спустя об аресте группы торговцев наркотиками. – Именно он стрелял в Левингера, а попал в Зусмана. Расправиться с боксером они решили, когда Левингер их выследил и пригрозил обратиться в полицию.

– Обычно эта братия не идет на убийство, причем на такое дерзкое, – заметил Хутиэли.

– Да, но случай оказался из ряда вон выходящий. В квартире обнаружили склад наркотиков. Рон говорит, что товара там миллионов на двадцать, так что человеческая жизнь по сравнению с такой суммой...

– В Лото на этой неделе разыгрывают больше, – сказал Хутиэли. – И без всякого риска для жизни.

– У каждого свой интерес, – вздохнул Беркович. – Одни играют в Лото, другие в бокс, третьи торгуют кокаином.

– А четвертые ловят третьих, смотрят, как дерутся вторые и удивляются, когда выигрывают первые, – завершил разговор инспектор.

Смерть дельтапланериста

С утра была хорошая погода – редкий случай, когда яркое весеннее солнце не обжигало кожу, а ласково поглаживало ее, дул слабый прохладный ветерок, и в воздухе стояла свежесть. Старший сержант Беркович предложил Наташе пройтись пешком до набережной, а там посидеть под тентом.

– В твоём положении, – сказал он, – тебе вредно находиться на солнце, даже если оно, казалось бы, не греет.

Телефонный звонок раздался, когда Беркович надевал босоножки. Трубку подняла Наташа.

– Алло, – сказала она. – Здравствуйте, инспектор, доброй субботы. Да, мы уже выходим. Как куда? Гулять, у Бори выходной... Но ведь... Хорошо, передаю ему трубку.

– Борис, – услышал Беркович голос инспектора Хутиэли, – я, конечно, понимаю, Наташин гнев, она буквально испепелила меня голосом, но... Видишь ли, на набережной убили человека. Машину за тобой я уже выслал.

– Слышу, – сказал Беркович. Действительно, за открытым окном уже раздавался заунывный вой сирены полицейского автомобиля. – На набережной, говорите вы? Послушайте, инспектор, что если я возьму жену с собой? Пока буду разбираться, она посидит под тентом...

– Ну смотри, – неопределенно отозвался Хутиэли. – Вид трупа для беременной женщины...

– Она не будет смотреть, – быстро сказал Беркович. – Она будет любоваться морским пейзажем.

Несколько минут спустя Наташа и Борис сидели на заднем сидении полицейской машины, мчавшейся по улицам Тель-Авива. Патрульный Моше Динкевич вводил старшего сержанта в курс дела.

– Отличная погода, – говорил он. – С утра на пляже собрались дельтапланеристы. Разогнались на автомобиле, поднимались и парили – восходящие потоки сегодня очень сильные. К десяти стало припекать, и большинство любителей полетов отправилось купаться. В воздухе оставался только один планерист – Амнон Захави, биржевой брокер, тридцать два года. На берегу было много народа, все следили, как его дельтаплан медленно опускался к дальнему концу пляжа. Там никого не было в это время. Дельтаплан опустился, Захави неожиданно споткнулся, упал и остался лежать. Несколько человек бросились на помощь – расстояние было метров триста... Когда добежали, Захави был мертв. Вызвали скорую и полицию. У бедняги оказалось пулевое ранение в спину, с левой стороны. Пуля вошла в сердце, он умер практически мгновенно.

– И никто не видел, откуда стреляли? – спросил Беркович.

– Нет. Могли стрелять с набережной, со стороны пляжа или лодочной станции, но никто ничего толком не видел.

– Кошмар, – подала голос Наташа. – Средь бела дня в центре города стреляют в человека, и – никаких свидетелей...

– Почему никаких? – удивился Динкевич. – Свидетелей более чем достаточно. Обязательно найдем тех, что что-то видел.

Беркович неопределенно хмыкнул – свидетельствам подобного рода он не очень доверял, особенно в таком случае, как сейчас, когда расстояние до убитого исчислялось сотнями метров.

Когда приехали, он сначала устроил Наташу под большим тентом и лишь убедившись, что с женой все в порядке, отправился к месту трагедии. Участок был огорожен, собралась толпа, цветастое пятно дельтаплана выделялось на ярко-желтом песке, тело погибшего лежало

лицом вниз, на рубашке расплылось алое пятно крови. Инспектор Хутиэли мрачно смотрел, как полицейский фотограф заканчивал съемку.

Беркович подошел к инспектору и, обменявшись рукопожатиями, спросил:

– Мне заняться связями убитого или работать здесь?

– Связи без тебя отработают, – ответил Хутиэли. – Нужно разобраться, откуда стреляли. Вот смотри. Дельтаплан опустился – видишь, где ноги Захави начали пропахивать песок? Если Захави не крутился вокруг оси, то спина его была обращена к парапету набережной. Стреляли скорее всего оттуда, но свидетели утверждают, что ничего не видели и не слышали выстрела.

– Много ли свидетелей?

– Восемь человек – два старика, гревшихся на солнце, женщина с ребенком, она следила за тем, как Захави опускался, и пятеро прохожих, остановившихся, чтобы увидеть, как планерист будет складывать свой аппарат.

Подойдя к телу, Беркович внимательно его осмотрел и сказал, обращаясь к эксперту Хану:

– Если стреляли с набережной, то пуля должна была войти под небольшим углом сверху.

– Не обязательно, – возразил Хан. – Если Захави наклонился, чтобы удержаться на ногах, когда дельтаплан тащил его по песку, пуля могла войти даже снизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.